

Свѣтлячокъ

1902 г.

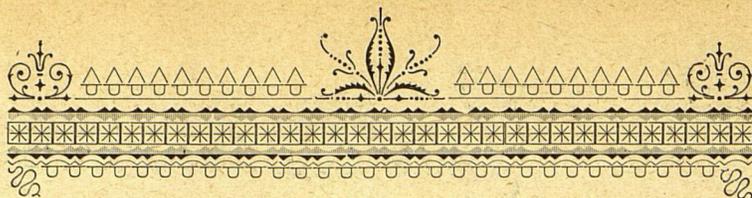

№ 23.

Государственной
Библиотека
им. В. К. Ленина

Нужно къ празднику приуметься!

Воробей.

Дождались мы зимней стужи,
На дворъ замерзли лужи,
И, чирикавая, дѣтей
Поджидаетъ воробей.

Просьбу къ дѣтямъ онъ имѣеть
И щебечеть, какъ умѣеть,
Проситъ всѣхъ онъ, кто знакомъ
Съ воробьинымъ языкомъ:

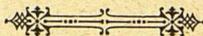

— „Если сердце ты имѣешь,
„То меня ты пожалѣешь,
„Не оставишь голодать,
„Станешь зерна мнѣ бросать.

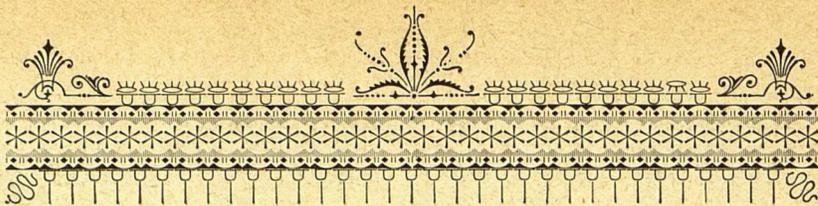
„Чивъ, чивъ, чивъ, да-чивъ, чивъ, чивъ,
„Дайте зеренъ, я—чуть живъ,
„Хоть проворенъ и игривъ“.

Н. Новичъ.

Елка для птицъ.

Тоже герои!..

I.

Приближалось Рождество,—а вы вспомните, какое это хорошее время! Ждешь праздниковъ, елки,—и ногъ подъ собой не чувствуешь отъ радости.

Въ домъ убираютъ комнаты, моютъ окна, перевѣшиваютъ драпировки и занавѣски, выколачиваютъ мебель. Суматоха стоитъ—веселая предпраздничная.

Наконецъ, однажды старшій братъ Степа, гимназистъ второклассникъ пришелъ изъ гимназіи необыкновенно веселый.

Онъ вошелъ, стукнулъ ранцемъ о полъ и торжественно заявилъ:

— Распустили на Рождество!..

Это означало, что праздники наступили дѣйствительно.

Елка у насъ обыкновенно появлялась совершенно неожиданно. Папа заранѣе наказывалъ нашему рабочему Кирьянычу привезти ее изъ имѣнія. И вотъ обыкновенно какъ-нибудь подъ вечеръ мнѣ таинственно докладываетъ поварь Андріанъ:

— А вѣдь Кирьянычъ-то пріѣхалъ!

— Да что ты?

— И елку привезъ огромную!..

Я мчусь вихремъ на кухню.

Кирьянычъ сидитъ преспокойно на лавочкѣ, въ полушубкѣ и укладываетъ табакъ въ свою трубку.

Я бросаюсь къ нему со всѣхъ ногъ и прижимаюсь къ нему. Меня такъ и обдаетъ запахомъ деревни.

— Кирьянычъ, голубчикъ!—бормочу я въ восторгѣ.

— А, — добродушно говоритъ мнѣ старикъ,—добро пожаловать!..

И я ощущаю его мозолистую, закорузлую руку на головѣ и на лицѣ.

— А елку привезъ?

- Привезъ, соколигъ.
- Большую?
- Бо-ольшую!..
- Кирьянычъ, пойдѣмъ, посмотримъ ее.
- Что жъ, пойдѣмъ. Одѣнься только.

Я шарикомъ выкатываюсь на дворъ. Батюшки! вотъ радость-то! И сани, и елка, и лошади—все это какое-то свое, родное, теплое, хорошее!..

Я подхожу къ нашей лошади, обнимаю ея шею руками и прижимаюсь, и трусь щекой о ея мохнатую, пахучую шерсть; я тереблю ее за гриву, за холку, за уши, и въ концѣ концовъ нѣжно цѣлую ея верхнюю губу между ноздрями, гдѣ такая удивительно нѣжная, мягкая кожа.

И сани хорошія; я сажусь на нихъ и нюхаю и вожжи, и хомуть, вымазанные дегтемъ, и сѣно въ саняхъ, а наконецъ — громадную елку.

Елку вносятъ къ намъ въ переднюю. Она сразу заполняетъ собою всю переднюю, такъ что нельзя пройти мимо, не задѣвъ ея вѣтвей. Сразу въ передней начинаетъ пахнуть елкой, а изъ-подъ ствола ея течетъ струйка воды отъ растаявшаго снѣга.

Приходитъ столяръ Александръ и поддѣ-

лываетъ подъ елку крестъ. Елку уносятъ къ папѣ въ кабинетъ, гдѣ ее убираютъ тайкомъ отъ насъ. Папа самъ всегда убиралъ «елки», самъ вѣшалъ игрушки, сласти, картонажи, самъ зажигалъ свѣчи, руководилъ нами и нашими маленькими гостями, постоянно подбадривалъ насъ, не давая намъ скучать, устраивалъ танцы, пѣніе.

И вдругъ случилось нѣчто неожиданное. Слушайте только!

Какъ-то за вечернемъ чаемъ папа вдругъ говоритъ мамѣ:

— А какое несчастіе у Кирьяныча: сгорѣла у него изба и дворъ; и скотину не успѣли выгнать,—сгорѣла то же! Разорился онъ совершенно. Что теперь дѣлать,—не знаю. Онъ уходитъ отъ насъ. Пропадетъ человѣкъ,—теперь иди хоть по міру.

Это всѣхъ насъ поразило страшно. Кирьянычъ какъ-то тѣсно сжился съ нами, былъ какою-то частью нашей семьи,—и вдругъ онъ уходитъ. А папа и говоритъ:

— Просить онъ рублей 70 — 100. Тогда дѣла у него поправятся. Да гдѣ же денегъ взять,—теперь праздники, расходы...

Тѣмъ же вечеромъ мы устроили засѣданіе.

у себя въ комнатѣ. Кирьяныча мы любили страшно, и отъ души хотѣли помочь ему.

— Надо просить папу,—рѣшилъ Степа дѣловито,—чтобы онъ оставилъ Кирьяныча.

— Конечно,—добавилъ Володя.

— Непремѣнно, неpremѣнно!—скрѣпилъ я.

И вотъ мы отправляемся къ папѣ въ кабинетъ и начинаемъ объяснять ему свою просьбу.

Папа слушалъ насъ съ своей обычной доброй улыбкой; подумалъ, подумалъ и говоритъ:

— Да откуда же я денегъ возьму? Развѣ вотъ что? Я на елку да на всѣ ваши удовольствія трачу какъ разъ сто рублей. Деньги эти ваши. Вотъ, хотите,—распоряжайтесь или, какъ знаете. Отказывайтесь отъ елки и отдайте деньги.

Это былъ страшный ударъ для насъ. Въ этотъ вечеръ насъ долго никакъ не могли уложить спать. Да и лежа въ постеляхъ, мы не переставали обсуждать наше положеніе.

Да, это была задача! Отказаться отъ елки!.. а мы-то о ней за полгода думать еще начали. Нѣтъ, это невозможно!

Утромъ за чаемъ папа испытующе осмотрѣлъ насъ и спрашиваетъ:

— Ну, что же, рѣшили?

Право, ужъ не знаю, какъ Степа рѣшился,—но онъ сдавленнымъ голосомъ сказалъ:

— Да.

Я видѣлъ, что онъ готовъ расплакаться, и слезы стоятъ у него въ глазахъ. А про насъ и говорить нечего,—мы и чай пить не могли отъ слезъ.

Итакъ, дѣло было улажено. Радости Кирьяныча конца не было. Онъ и въ ноги упалъ, и цѣловалъ руки даже у насъ. А мы... да, мы были тронуты этимъ, а всетаки горечь обиды душила насъ, и слезы сверкали у насъ то у того, то у другого на глазахъ.

Остаться вдругъ безъ елки. Нѣтъ, какъ хотите, а это ужасно!..

Обыкновенно елка бывала у насъ въ сочельникъ. Дня за два папа и говоритъ:

— Елки не будетъ. А не хотите ли вы проѣхать въ деревню? Возьмите съ собою буттербродовъ, яблокъ, конфетъ. Тамъ чаю напьетесь, переночуете, днемъ погуляете, а къ вечеру вернетесь сюда.

Это было всетаки утѣшеніе.

— Какъ же мы поѣдемъ?—спрашиваемъ.

— Да ужъ по-просту, — смѣется папа. — Кирьянычъ пріѣхалъ съ елкой и провизіей

на простыхъ розвальняхъ, на парѣ лошадей. На нихъ и поѣзжайте!

Это было чудесно! Совсѣмъ какъ Робинзоны... Насъ очень заняли приготовления и отъѣздъ. Мы ѣхали впятеромъ: Степа, Володя, Боря, я и наша гувернантка фрейлейнъ Цецилія.

Сами мы дѣлали буттерброды, укладывали ихъ, увязывали. Ходили за яблоками, за сладостями. Время шло весело. А Кирьянычъ на радостяхъ всячески ухаживалъ за нами.

И вотъ одѣваютъ насъ потеплѣе, мы выходимъ на дворъ и усаживаемся прямо въ розвальни; Кирьянычъ дергаетъ вожжами; полозья визжатъ подъ снѣгомъ.

— Прощайте, дѣти!—говорить намъ мама.

Мы выѣзжаемъ на улицу и быстро скользимъ по ярко освѣщеннымъ улицамъ до заставы.

Намъ весело, хорошо; мы болтаемъ наперебой. Луна крадется изъ одного кудластаго облака къ другому; какой-то трепетный свѣтъ лежитъ повсюду; даль точно туманомъ задержана. Мы летимъ лѣсомъ, и я изъ-подъ башлыка налюбоваться не могу чуднымъ зимнимъ видомъ.

Сани ныряютъ по ухабамъ, раскатываются на сугробахъ,—и мы визжимъ отъ радости. До деревни отъ города недалеко,—версть пять.

II.

Въ деревнѣ насъ встрѣтила наша ключница Авдотья Степановна; обрадовалась страшно.

— Пожалуйте, пожалуйте, милые. А я кстати нынче папашинъ кабинетъ истопила.

Черезъ часъ у папы въ кабинетъ горитъ лампа, на столѣ кипитъ самоваръ,—и мы начинаемъ хозяйничать. Мы все время какъ бы играемъ. Воображаемъ, что мы ѣдемъ куда-то за тридевять земель, въ тридевятое государство. Мы гдѣ-то въ глуши, ожидаемъ нападенія разбойниковъ. Приходитъ Степановна.

— Гдѣ прикажете постели стелить?

О, счастье! Мы можемъ приказывать!..

Съ хохотомъ, визгомъ укладываемся мы у папы въ кабинетъ, гдѣ попало, долго споримъ, кому достанется такое счастье — лечь на полу, — а такъ какъ я готовъ каждую минуту заплакать,—то это мѣсто уступаютъ мнѣ.

— Пускай плакса тамъ ляжетъ,—равнодушно говоритъ Степа, хотя ему самому страшно хочется лечь тоже на полу.

— И лягу!—упрямо говорю я.

— А вотъ погоди,—ночью мыши тебѣ носъ отгрызуть!—дразнить онъ меня.

— И прекрасно,—настаиваю я, хотя одна мысль о мышахъ заставляетъ меня содрогнуться.

На утро мы встаемъ рано; самоваръ уже готовъ; наскоро пьемъ чай, со сливками, съ буттербродами, одѣваемся и бѣжимъ на дворъ. Вотъ гдѣ хорошо-то!..

Все чисто, все бѣло. Достаемъ санки, я сажусь,—а тройка— Степа, Боря и Володя мчатъ меня до перваго косогора, на которомъ и вываливаютъ меня. Теперь—очередь Володи,—вываливаютъ аккуратно и его. Потомъ бѣжимъ на рѣку. Какая тишина стоитъ здѣсь! Рѣка словно замерла. Мы спускаемся на ледъ и скользимъ въ валенкахъ взадъ и впередъ. Крикнешь, и звукъ голоса какъ-то сразу замираетъ въ воздухъ, точно тоже замерзаетъ. Деревья повѣсили свои вѣтви, густо, пушисто окутанныя инеемъ. Все дерево точно въ дорогой пуховой шубѣ, мѣхомъ вверхъ... Вотъ каркнула ворона, сѣла на вѣтку, сорвалась и безжалостно осыпаетъ съ вѣтвей чудный уборъ инея.

А мы рады и воронѣ, начинаемъ кричать, махать на нее руками, бросаемъ палку.

Ворона въ ужасѣ улетаетъ восвояси. Вотъ-де разбойники!..

Обѣдъ — простой, но хорошій; Кирьянычъ приходитъ спросить, когда лошадей запрягать, а мы и его тащимъ за столъ: обѣдай съ нами!..

А онъ конфузится, давится, плачетъ.

— Милые вы мои,—повторяетъ,—ахъ, желанные. По гроба жизни о васъ молиться Богу буду!..

Сумерки, и намъ вдругъ становится безпричинно грустно-грустно. Мы избѣгаемъ разговаривать другъ съ другомъ, чтобы не расплакаться. Мы стараемся не глядѣть другъ на друга и молча, спѣшно увязываемъ свои пожитки. Изрѣдка кто-нибудь нѣтъ-нѣтъ да и вздохнетъ украдкой отъ глубины души:

— Ахъ, какъ хорошо вчера было.

А я задаюсь безцѣльнымъ вопросомъ:

— Почему сегодня—не «вчера»?..

Домой въ городъ мы ѣдемъ нарочно тихо, чтобы продолжить наше путешествіе. Лѣсомъ

ѣдемъ,—лѣсъ тихій, угрюмый, какъ старикъ съдой.

— Хорошо!—говорю я...—счастливые зайцы, что могутъ жить постоянно въ лѣсу.

Мы въѣжаемъ въ городъ,—и онъ насъ сразу какъ-то сдавливаетъ. Мы окончательно умолкаемъ и сидимъ, нахохлившись, словно воробьи послѣ дождя.

Тихо въѣжаемъ на дворъ, медленно поднимаемся къ себѣ на верхъ, проходимъ въ дѣтскую и лѣниво, нехотя раздѣваемся.

— Вотъ и Рождество прошло!—горько, со вздохомъ говорить Степа.

Три вздоха съ нашей стороны краснорѣчиво подтверждаютъ его слова.

Входитъ мама, цѣлуетъ насъ.

— Хорошо ли съѣздили? А? Пойдемте къ папѣ,—онъ по васъ соскучился.

Мы гуськомъ идемъ за мамой, низко-низко повѣсивъ носы, думая свою тяжелую думу. Фрейлейнъ идетъ за нами и все говорить:

— Да будьте же хоть крошечку повеселѣе.

Темнымъ корридоромъ мы подходимъ къ двери папинаго кабинета; мама стучитъ въ дверь.

— Можно къ тебѣ войти дѣтямъ?

— Можно,—откликается папа.

Дверь распаивается,—и, о, чудо!—словно сіяніемъ озаряетъ насъ наша милая, залитая огнями, разукрашенная папой на диво елка.

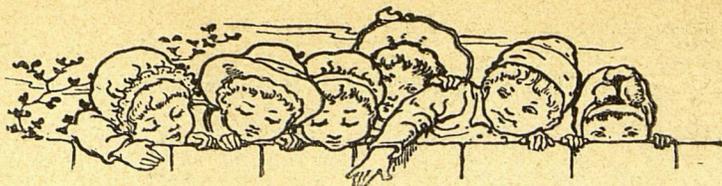
Мы каменѣемъ отъ восторга, мы задыхаемся отъ счастья...

А папа стоитъ и улыбается весело, какъ онъ одинъ только умѣетъ улыбаться, и говорить:

— Добро пожаловать, господа герои-путешественники—вы какъ разъ поспѣли къ елкѣ!..

А. Федоровъ-Давыдовъ.

Изъ жизни Кутьки.

Была у насъ собака; звали ее Кутькой. Это была овчарка, умная, добрая, послушная. Мы, дѣти, ее всѣ любили, и баловали, и мучили обыкновенно, какъ только могли. Мы ее учили всякимъ фокусамъ,—и Кутька у насъ и поноску носила, и на заднихъ лапкахъ танцевала, когда мы подпѣвали ей или подсвистывали, и носила все, что ей ни дашь нести.

Вотъ я расскажу, какъ она умѣла обходиться съ животными болѣе сильными и внушительными для нея.

Какъ-то разъ приходитъ къ намъ пастухъ и говоритъ отцу:

— Бачка! а у меня корова сбѣжала.

— Какъ такъ?—спрашиваетъ отецъ.

— А кто ее знаетъ. Видно, слѣпни ее зажалили,—а только я всю рощу обѣгаль,—нѣтъ ея нигдѣ.

— А Кутька съ тобой была?—спрашиваетъ отецъ.

— Со мной, какъ же.

— Гдѣ жъ она-то?

— И она словно стинула; я и то диву дался, куда она убѣжала.

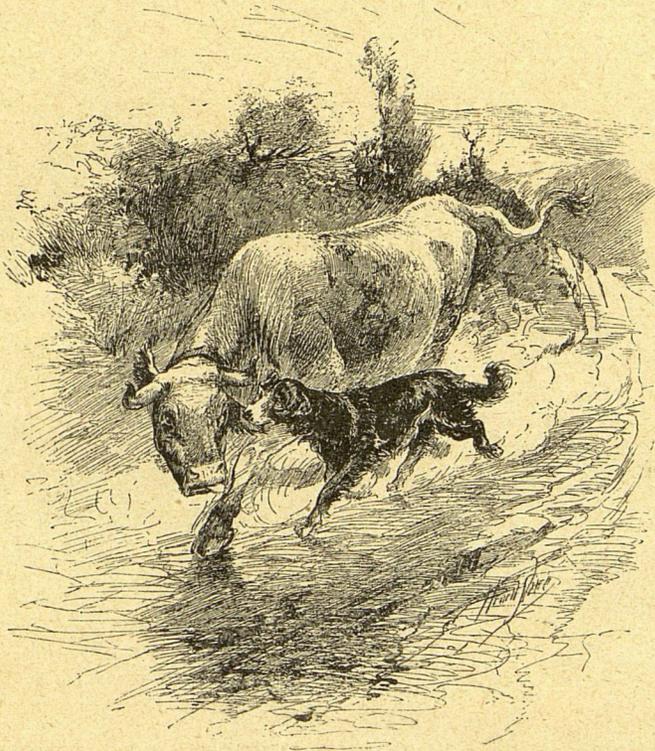
Прошло съ полчаса. Мы сидѣли на балконѣ. Смотримъ,—вдали по дорогѣ—пыль столбомъ клубить,—мычить корова,—и Кутька, какъ сумасшедшая, визжитъ.

Бросились мы съ балкона навстрѣчу имъ,—и что же видимъ.

Кутька — ведетъ къ намъ корову. Вцѣпилась въ ухо ей зубами и ведетъ. А корова мычитъ, голову наклонила, а отдѣлаться отъ Кутьки никакъ не можетъ.

— Молодецъ, Кутька! — закричалъ пастухъ радостно.

— Спасибо, молодчинице, — подтвердилъ и папа, глядя и трепля собаку по спинѣ.

Впрочемъ, это что. У насъ Кутька и ариѳметику знала. Какъ-то вечеромъ приходитъ тетья и зоветъ насъ на скотный дворъ.

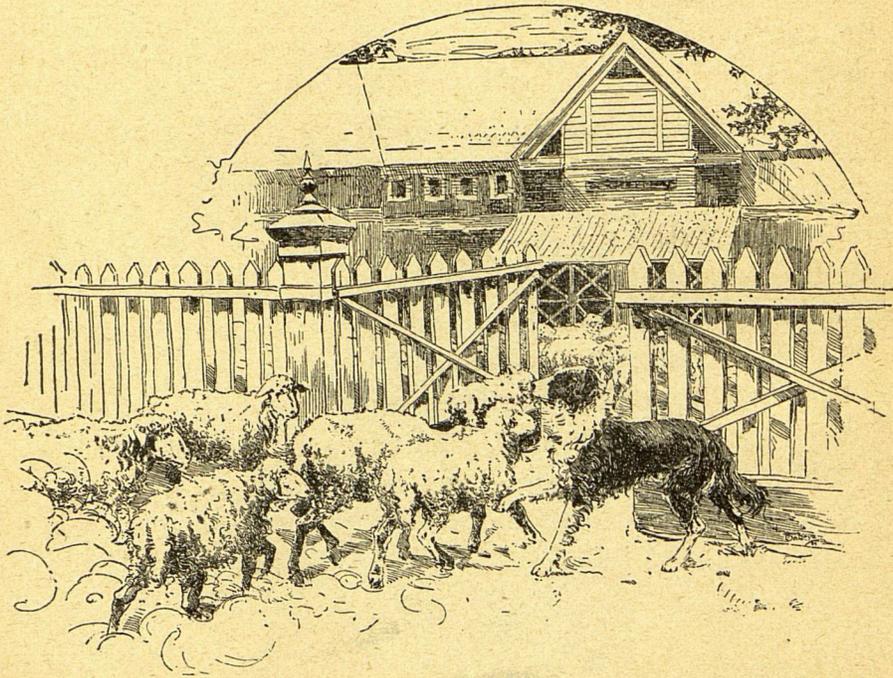
— Пойдите, полюбуйтесь на вашу Кутьку, — говоритъ.

Пришли мы и видимъ, — загоняютъ наши овчары стадо овецъ, а Кутька у калитки стоитъ, смотритъ на нихъ и лапу подняла, словно считаетъ овецъ.

— Да она, точно, считаетъ, — подтвердилъ овчаръ Аюня. — Иной разъ у нея которая-нибудь овца позамѣшкается, такъ вѣдь Кутька сейчасъ это замѣтитъ; въ ту же минуту побѣжитъ ее отыскивать. Нѣтъ, что ни говорите, а песъ этотъ и считать умѣетъ, только что не говорить!

Но за Кутькой водились и не такіе подвиги.

Она какъ-то привыкла спать у тети въ комнатѣ. А у тети

была привычка передъ сномъ читать что-нибудь... Свѣчка стояла всегда на стулѣ у самой кровати. Задрема она нечаянно, легко могъ бы произойти пожаръ.

Нѣсколько разъ тетя засыпала съ зажженной свѣчей, но каждый разъ, когда среди ночи она просыпалась, — свѣчка бывала поташена.

Кто бы могъ это дѣлать? Дверь у нея всегда запира-лась на ключъ. Вотъ разъ тетя легла, зажгла свѣчку закрыла

лицо руками и притворилась спящей, но полуоткрытыми глазами смотрѣла сквозь пальцы, что-то будетъ.

Прошло минутъ десять. Вдругъ изъ-подъ кровати выльзаетъ Кутька, долго, внимательно смотритъ на тетю,—заснула ли, дескать, она, потомъ осторожно поднялась на заднія лапы, оперлась передней лапой о край стула, а другой потушила огонь.

Вообще хитрая была Кутька.

Въ заключеніе не могу не рассказать смѣшной исторіи, какъ Кутька сама себя не разъ наказывала.

Какъ-то разъ приходимъ мы въ кухню, а Кутька стоитъ въ углу.

— Что это значитъ?

А кухарка смѣется.

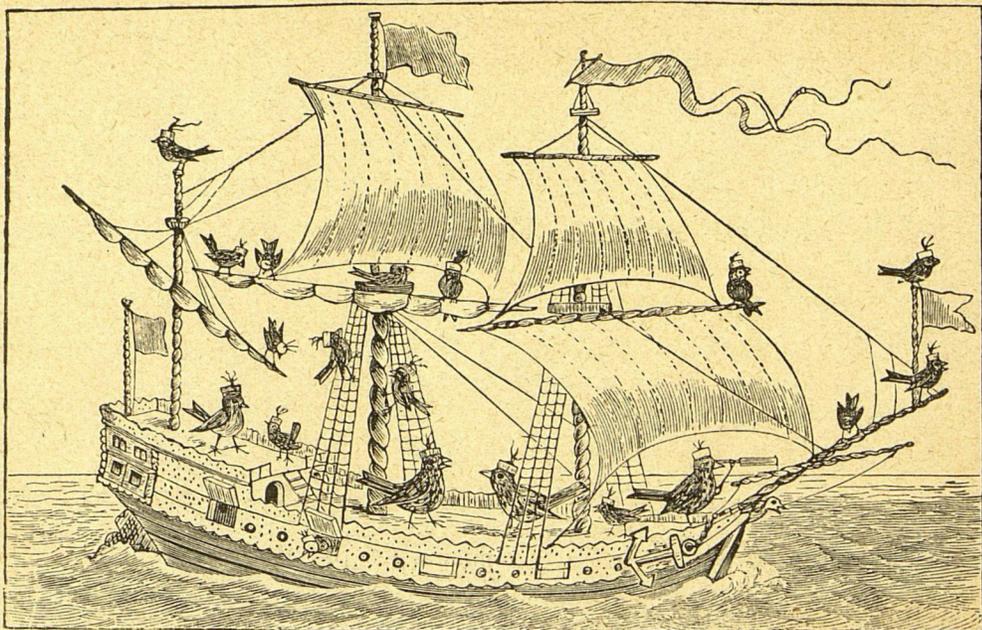
— Да это Кутька у меня нынче сливки вылакала, а я ей и пригрозила. Такъ что жъ она? Пошла да и стала въ уголь и стоитъ! Вотъ умнѣющій песъ, право!..

— Мы, конечно, сейчасъ же простили Кутьку и бросились обнимать ее, тормошить, такъ что бѣдная собака просто не знала, куда ей дѣваться отъ нашей любви и участія.

С. Томилинь.

Потѣшная страничка.

Пѣснь уѣзжающихъ воробьевъ.

„Корабль готовъ. Пора! плывемъ!..
„Въ дорогѣ будемъ помогать другъ дружкѣ,—
„Быть можетъ, гдѣ-нибудь найдемъ
„Пріютъ и кормъ мы, бѣдныя пичужки!..
„Никто не любитъ воробьевъ,
„Насъ всякій бить и гнать готовъ,
„А жить намъ надо тоже.
„Плывемъ же за море скорѣй...
„И сострадательныхъ людей,
„Насъ любящихъ пошли тамъ Боже!..“

✱ ✱ ✱

Я слышалъ пѣсню эту разъ,
И я рѣшилъ,—что ихъ щадить я буду,
Жалѣть, кормить... друзья, и васъ
Прошу о томъ я—въ добрый часъ,—
Вѣдь беззащитнымъ плохо всюду!..

А. Доровъ.

„Дождались елки!“

Из № 24 журнала „Светлячок“ за 1902 г.